

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-6-46-57
УДК 339.9,339.9.01(045)
JEL F15, P45

Извилистые пути интеграции: Россия в ЕАЭС

А.А. Ткаченко

Финансовый университет, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-8828-1761>
Researcher ID: Q-9323-2016
Scopus Author ID: 57218891580

АННОТАЦИЯ

Предметы исследования – интеграционные и дезинтеграционные процессы в ЕАЭС и будущее евразийской интеграции. *Цель работы* – оценка этапов развития евразийской интеграции и становления общего экономического и социального пространства. Рассмотрен ряд теоретических и практических результатов евразийской интеграции для ответа на вопрос о ее будущем и возможных формах дальнейшей интеграции. В статье *сделаны выводы* о передаче полномочий с национального уровня наднациональному органу как болезненном вопросе развития ЕАЭС и о необходимости расширения компетенций в новых областях интеграции. Отмечено, что ЕАЭС необходимо стремиться к общим соглашениям по большему числу направлений, чем только экономические и торговые – социальным, экологическим, информационно-статистическим, миграционным. В решении альтернативы: усиление интеграции или дезинтеграция – важнейшим фактором является общий рынок труда. Рассмотрена роль асимметричной взаимозависимости в будущем интеграции. Важным внешним фактором назван Китай, сотрудничество с которым может способствовать интеграции или разводить интересы стран ЕАЭС в противоположные стороны. Проведен статистический анализ страновых направлений внешней торговли стран ЕАЭС и показана необходимость их изменения. Рассмотрены различия этих стран в организации социального пространства и *сделан вывод* о необходимости скорейшего перехода к согласованию позиций ввиду того, что их отсутствие увеличивает дезинтеграционные настроения населения. Проанализирована информационная база интеграции, без расширения которой затруднено принятие взвешенных решений, и поставлен вопрос об обеспечении и защите евразийских общественных благ, скрепляющих интеграцию. **Ключевые слова:** интеграция; ЕАЭС; ЕС; теории интеграции; индекс экономической свободы; внешняя торговля; наднациональные институты; общее социальное пространство

Для цитирования: Ткаченко А.А. Извилистые пути интеграции: Россия в ЕАЭС. *Экономика. Налоги. Право.* 2020;13(6):46-57. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-6-46-57

ORIGINAL PAPER

Sinuous Paths of Integration: Russia in the EAEU

А.А. Tkachenko

Financial University, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-8828-1761>
Researcher ID: Q-9323-2016
Scopus Author ID: 57218891580

ABSTRACT

The subject of the research is integration and disintegration processes in the EAEU and the future of Eurasian integration. *The purpose of this article* is to assess the stages of development of Eurasian integration and the formation of a common economic and social space. A few theoretical and practical results of Eurasian integration are considered to answer the question of its future and possible forms of integration development. The article draws conclusions about the transfer of powers from the national to the supranational level as a painful issue in the development of the EAEU and the need to expand competencies in new areas of integration. It is noted that the EAEU needs to strive for common agreements in a wider range of areas than just economic and trade, i.e. social, environmental, information, statistical data, migration. In addressing the alternative to enhance integration or disintegration, the common labour market is the most important factor. The role of asymmetric interdependence in future integration is considered. China is named as an important

© Ткаченко А.А., 2020

external factor, cooperation with which could promote integration or divert the interests of the EAEU countries in opposite directions. A statistical analysis of the country directions of the EAEU countries foreign trade is carried out and the need for their change is shown. The differences between these countries in the organization of social space are considered and a *conclusion is made* in favor of the need for a quick transition to the coordination of positions, because their absence will increase the disintegration moods of the population. The information base of integration is analyzed, without the strengthening of which it is difficult to make informed decisions; the question of ensuring and protecting the Eurasian public goods that strengthens integration is also raised.

Keywords: integration; EAEU; EU; integration theory; Index of Economic Freedom; foreign trade; supranational institutions; common social space

For citation: Tkachenko A.A. Sinuous paths of integration: Russia in the EAEU. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020;13(6):46-57. (In Russ.) DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-6-46-57

ВВЕДЕНИЕ

Пятилетняя годовщина со дня основания Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) стала поводом для появления большого количества статей, подводящих итоги развития этого интеграционного объединения и сравнивающих первый этап его развития со становлением Европейского союза (далее — ЕС) — самого мощного интеграционного объединения. Если развитие европейской интеграции активно изучается учеными, выдвигающими различные теории, то исследования хода евразийской интеграции ограничиваются только изложением опыта других интеграционных объединений, находящихся на разной стадии интеграции, или анализом проблем и ошибок европейских и североамериканских стран. За неполные шесть лет выявлено немало проблем ЕАЭС, прошедшего следующие этапы интеграционного становления: ЕврАзЭС¹ как первая ступень (Евразийское экономическое сообщество, 2000 г.), Таможенный союз (2010 г.)², Единое экономическое пространство (2012 г.). Заметим, что на пути от ЕврАзЭС к ЕАЭС произошла утрата одного члена интеграционного объединения — Таджикистана, который даже не стал его наблюдателем, как Молдова или готовящийся к этому Узбекистан³, несмотря на то, что первая ступень интеграции создавалась для эффективного продвижения процесса формирования единого экономического пространства, реализации

целей и углубления интеграции в экономической и гуманитарной областях⁴.

Причины произошедшего почти не исследуются, но их открытое обсуждение на различных площадках позволило бы избежать многих камней преткновения на интеграционном пути, которые уже были и, несомненно, будут как по объективным, так и субъективным причинам [1]⁵. В немногочисленных исследованиях только отмечается, что функционирование ЕАЭС вызывает определенные споры, а его малая эффективность порождает даже сомнения в целесообразности включения Казахстана в состав этого объединения [2]. В исследованиях, сравнивающих евразийскую интеграцию и интеграцию ЕС, ставится вопрос о том, какой вид интеграции выберут государства ЕАЭС: «преобразующий» или «воспроизводящий». Из опыта ЕС следует, что преобразующая интеграция трансформирует природу суверенитета государств-членов, а также отношения между этими государствами. Репродуктивная интеграция, напротив, просто воспроизводит характеристики своих участников и межгосударственную систему, частью которой они являются [3]. Поэтому при возникновении кризисных ситуаций ученым и практикам следует задаваться вопросом: к чему может привести возникшая кризисная проблема: к дальнейшей интеграции или к распаду союза?

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мировой опыт интеграционных процессов показывает, что интеграция может происходить в трех формах: углубления, увеличения компетенции

¹ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (10.10.2000, Астана).

² Заключено четыре соглашения и один протокол (2005–2008 гг.).

³ Советом Евразийской экономической комиссии рассмотрен 4 сентября 2020 г. проект решения Высшего Евразийского экономического совета по вопросу о предоставлении Узбекистану статуса государства-наблюдателя при ЕАЭС.

⁴ Статья 2 Договора об учреждении ЕврАзЭС.

⁵ Идея Н. Назарбаева о евразийском союзе государств (1994 г.) касалась всех стран СНГ, подразумевая их переход в новое объединение и косвенно признавая неудачу интеграционных начал СНГ.

и расширение состава. Под углублением, и это важно подчеркнуть, понимается не усиление экономического взаимодействия, как чаще всего оценивается евразийская интеграция в отечественных работах, а передача все большего объема политических полномочий с национального уровня наднациональному органу. Это наиболее болезненный вопрос развития ЕАЭС и даже его «ахиллесова пята», решение которого в ближайшей перспективе не просматривается.

Увеличение компетенций в новых областях интеграционного сотрудничества стран ЕАЭС почти не происходит за исключением решения о формировании единого цифрового пространства ЕАЭС⁶. Была попытка свести эту идею к формированию только единого цифрового *промышленного* пространства⁷, но, если судить по выпущенному ЕЭК в 2019 г. сборнику «Цифровая повестка ЕАЭС 2016–2019–2025», обсуждение этого вопроса вернулось к его первоначальной постановке представителями бизнес-сообщества в 2015 г.

Тетью формой интеграции является расширение за счет увеличения количества стран — членов ЕАЭС. Однако если, с одной стороны, расширение в самом начале формирования интеграционного сообщества способствует более быстрому вхождению новых членов во все направления общего интеграционного поля, так как принято относительно немного решений, то, с другой стороны, принятие новых членов на этапе становления может затормозить его процесс при условии, что новые участники преследуют экономические или гуманитарные интересы, значительно отличающиеся от интересов объединившихся стран. На настоящий момент, говоря о ЕАЭС+, мы имеем в виду семь стран, и можно рассматривать Молдову и Узбекистан как потенциальных партнеров для расширения⁸.

Европейская дезинтеграция, как показывают исследования, может рассматриваться как логическое, но широко игнорируемое теоретическое дополнение европейской интеграции. Можно также в трактовке этих терминов использовать понимание интеграционного цикла как восходящего или, напротив, нисходящего потока. В ранних работах Ф. Шмиттера о европейской интеграции [4] объяснялось на приме-

ре Евросоюза, что распад интеграции — это снижение либо уровня полномочий ЕС, либо уменьшение объема областей политики, которые рассматриваются на уровне ЕС, т.е. на наднациональном уровне. Абстрагируясь от политической конъюнктуры, следует признать, что ЕАЭС как любое объединение может подвергаться дезинтеграции или даже распасться. Поэтому следует обратить внимание на исследование, где показано, что чем больше областей политики в региональном образовании интегрировано, тем меньше вероятность его распада [5]. Поэтому ЕАЭС должно стремиться заключать как можно больше общих соглашений по не только экономическим и торговым, но и социальным, экологическим, информационно-статистическим, миграционным направлениям⁹.

Во многих отношениях «трансформация» является ключевым понятием, определяющим европейский опыт интеграции и позволяющим различать теоретические подходы. Согласно Шмиттеру [6] теории региональной интеграции можно подразделить согласно онтологическим¹⁰ линиям в зависимости от степени трансформации или воспроизводства. Преобразующая интеграция, как видно на примере ЕС, «трансформирует» природу суверенитета государств-членов, а также отношения между ними. Репродуктивная интеграция, напротив, просто «воспроизводит характеристики своих участников, а также межгосударственную систему, частью которой они являются» [6, р. 47], что пока и происходит в ЕАЭС¹¹. Даже существование Союзного государства (2000 г.) никак не отражается в позициях образовавших его Беларуси и России в ЕАЭС¹², а лишь репродуцирует «самостоятельные» характеристики каждой страны, не затрагивая и не

⁹ Имеются в виду не столько граждане стран ЕАЭС, перемещающиеся по общему пространству, сколько мигранты из третьих стран, по отношению к которым должна быть сформулирована единая миграционная политика, несмотря на различие в интересах отдельных стран ЕАЭС по отношению к этой миграции.

¹⁰ Онтология (от греч. *ontos* — сущее, *logos* — учение) — философская наука о бытии, основных видах и свойствах бытия.

¹¹ Как показывает опыт ЕС, наднациональные институты при соответствующих полномочиях и ресурсах для осуществления новых инициатив в состоянии компенсировать межправительственный тупик, когда позиция одного государства сдерживает принятие важного решения.

¹² Договор о создании Союзного государства (08.12.1999) считается юридической основой для дальнейшей интеграции этих стран.

⁶ Пока хотя бы в виде разработки концепции.

⁷ URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-06-2017-4.aspx>.

⁸ Принята заявка Республики Куба о предоставлении статуса государства-наблюдателя при ЕАЭС.

упомягая их союза, а тем более их сепаратной по отношению к ЕАЭС интеграции.

В решении вопроса «интеграция — дезинтеграция» важнейшим фактором является общий рынок труда. Специальное обследование трудовых мигрантов, вернувшихся из России, показало, что доход, полученный в России, является наиболее важным мотивом их пребывания и даже перевешивает более негативные аспекты. Полученные учеными результаты показывают, что репутация России выигрывает от миграции за счет так называемых геополитических денежных переводов [7]. Таким образом, ремиттансы (деньги, заработанные мигрантами, поступающие в страну «исхода») по праву относятся и к политике «мягкой силы», не требуя специальных мер по защите мигрантов, но и не допуская беспричинных ограничений, как это было в отношении граждан Кыргызстана из-за недальновидной политики ЦБ РФ, подрывающей доверие и к системе переводов денег в нашей стране, и к внезапным изменениям политики, несогласованной со странами ЕАЭС. Именно подобные импульсивные действия могут вызывать дезинтеграционные стремления у партнеров.

Значительную роль в будущем интеграции играет асимметричная взаимозависимость [8]. На первый взгляд, такая асимметричность на пространстве бывшего СССР вполне объяснима, так как экономический потенциал и рынок труда в России многократно превышают другие страны даже вместе взятые, а характер демографических процессов сделал российское общество и экономику наиболее уязвимыми среди почти всех стран СНГ. Но появление в конце 2010-х гг. второго центра притяжения трудовой и образовательной миграции в виде Казахстана уменьшает эту асимметричность, с одной стороны, и вынуждает менять российскую миграционную политику, с другой. Мировой рынок рабочей силы давно демонстрирует усиление конкуренции за высококвалифицированные кадры. Конкуренция за низкоквалифицированные кадры, которые пока нужны высокоразвитым экономикам, существует среди стран — экспортеров трудовых мигрантов, и именно это поле остается самым проблемным в ЕАЭС+, так как здесь намного труднее осуществить социальную защиту мигрантов и их прав, а усиление контроля за ее соблюдением чаще всего приводит к росту нелегальной миграции, теневой занятости и поиску лазеек в законодательстве для того, чтобы избежать роста нагрузки на бизнес принимающей стороны.

Мировой опыт показывает, что ужесточение мер контроля и увеличение наказаний как работодателей, так и работников-мигрантов помогают мало и до определенного предела, а затем перестают действовать. Тем более внедоговорное дополнительное вмешательство в жизнь мигрантов приводит к недовольству пострадавшей стороны и отдаляет достижение цели создания общего рынка труда. Чем отличается киргизский мигрант-работник от российского работника по своим правам пребывания на территории России — вопрос риторический, так как каждая страна сохраняет свое национальное законодательство. Поэтому меры по высылке мигрантов на родину и запрещение последующего въезда на определенный срок из-за нарушения правил вождения автомобилей или сроков уплаты штрафов являются аномальными для интеграционного сообщества и со всей очевидностью, по нашему мнению, показывают хрупкость самого здания сообщества, которое к тому же находится в процессе строительства.

Для определения в ближайшие годы преобладающей траектории развития ЕАЭС по пути усиления интеграции или возникновения элементов дезинтеграции важен международный контекст или внешние факторы, которые включают региональную экономическую динамику, а также степень помощи, которую другие участники ЕАЭС будут оказывать за пределами своего региона, способствуя или препятствуя интеграции [9, с. 415]. Основную роль в интеграционных процессах будет играть Китай, сотрудничество с которым в создании транспортных коридоров по маршрутам Экономического пояса Шелкового пути (далее — ЭПШП) может способствовать интеграции, а может разводить интересы стран ЕАЭС в противоположные стороны при несогласованных позициях. Если Россия будет форсировать совместную с Китаем арктическую часть ЭПШП, в которой меньше или даже мало заинтересованы другие страны ЕАЭС, то последние могут отдать предпочтение таким транспортным коридорам, которые помогают их региональному развитию с одновременным усилением зависимости от китайских инвестиций и роста вероятности дезинтеграции Союза.

ИНТЕГРАЦИЯ И ТОРГОВЛЯ

ЕАЭС за недолгий период своего существования подписал соглашения о свободной торговле с Вьетнамом (2015 г.), Сингапуром (2019 г.), Сербией (2019 г.) и временное соглашение с Ираном (2019 г.). В то же время во внешней торговле стран ЕАЭС существует несколько важных проблем, которые мо-

гут отрицательно влиять на процесс интеграции: *во-первых*, и рост взаимной торговли, *во-вторых*. Выделим эти проблемы. Любая страна стремится к положительному сальдо внешней торговли или хотя бы к нулевому балансу. Россия, если ограничиться периодом образования Таможенного союза (2010 г.), имеет положительное сальдо внешней торговли со всеми странами ЕАЭС, которое после образования Союза не изменилось и по-прежнему превышает треть всего взаимного товарооборота: 33,9% в 2010 г. и 34,2% в 2018 г. При этом российский экспорт в Армению превышал импорт из Армении в 2,12 раза, Беларуси — в 1,77, Казахстана — в 2,44 и Кыргызстана — в 6,53 раза. Товарооборот за 2010–2018 гг. увеличился на 24,6%, что можно признать умеренным ростом, связанным с его падением во время рецессии российской экономики (за 2016 г. оборот уменьшился на 6,4%)¹³. Еще одна проблема проистекает из очень низкой доли стран ЕАЭС во внешней торговле России. Так, в год образования Союза экспорт России в другие страны ЕАЭС составлял 8,1% всего российского экспорта, а импорт — 7,6%, что было заметно ниже экспорта в Нидерланды (11,9%) или импорта из Германии (11,2%)¹⁴. Если брать за основу исчислений данные Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК) за 2019 г., то российский экспорт превышал импорт из стран ЕАЭС в 1,94 раза. Не меньшая проблема для будущего интеграции состоит не просто в доминировании, а в полном преобладании российской экономики во внешнеэкономических интересах малых экономик ЕАЭС, что следует из итогов импорта Армении за 2019 г. На импорт из России приходится 96,2% всего импорта этой страны, а на долю Беларуси — 2,96%, Казахстана — 0,28% и Кыргызстана — 0,14%. Очевидно, что при таких показателях эти страны практически выпадают из интересов армянской экономики, ставя под сомнение цели интеграции пяти стран на общем рынке товаров¹⁵.

Еще одна проблема общего рынка товаров ЕАЭС заключается в ориентации внешней торговли на европейские рынки (ЕС). Для России в 2019 г. на фоне

санкций торговля с ЕС продолжала играть несравнимо более важную роль по сравнению с торговлей с ЕАЭС как по импорту (4,3 раза), так и экспорту (4,8 раза). Во второй экономике Союза — Казахстане экспорт в страны ЕС в 4,46 раза превышал экспорт в Россию, хотя импорт из России был в 2,13 раза больше импорта из ЕС. Аналогичная ситуация характерна для Кыргызстана: экспорт в ЕС в 2,8 раза выше, а импорт в 5,13 раза ниже, чем в Россию. В торговле Армении и Беларуси российский рынок преобладает, но в Армении не так значительно, как в Беларуси, особенно по импорту: из России он в 2,8 раза больше, чем из ЕС, а в Армении — лишь на 50,9%. Можно предположить, что заключение соглашений о свободной торговле с четырьмя названными странами может как-то изменить страновую структуру направлений внешней торговли, но соглашения вряд ли изменят малозначительность внутреннего рынка торговли товарами для усиления интеграционных основ.

Представим совокупные данные по внешней торговле стран ЕАЭС для отображения точной ситуации в соотношении российского потенциала и потенциала других стран ЕАЭС, а также их два основных вектора — весь мир и ЕС (*табл. 1*).

Изменения, произошедшие во внешней торговле в 2019 г., внушают определенный оптимизм, так как во всех странах ЕАЭС преимущественный рост экспорта и импорта наблюдался между этими странами. Исключение составляет Казахстан, где отмечался рекордно высокий прирост импорта из третьих стран в основном азиатского направления. Напротив, пессимизм может внушать ситуация в Беларуси, которая сократила свой экспорт во все страны мира, кроме ЕАЭС, включая Россию, и увеличила импорт из всех стран, кроме ЕАЭС; самый высокий прирост был из неевропейских стран.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

На экономические отношения внутри ЕАЭС и особенно с третьими странами сильно влияет уровень экономической свободы национальных экономик, включая свободу инвестиций, открытость рынков и др. (всего четыре группы по три показателя в каждой), которые объединяются в общий индекс экономической свободы¹⁶. Автором статьи проведен анализ всех показателей в странах ЕАЭС+, но

¹³ Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. 2019. — Москва, 2019, табл. 26.5; Российский статистический ежегодник. 2017. — Москва, 2017. — С. 569.

¹⁴ Российский статистический ежегодник. 2016, табл. 26.9.

¹⁵ Рассчитано по данным ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/2019/12_180.aspx.

¹⁶ Измеряется Heritage Foundation в течение 26 лет в 186 странах.

Таблица 1 / Table 1

Внешняя торговля стран ЕАЭС^а / Foreign trade of the EAEU countries

Страна / country		Объем, млн долл. США / Volume, USD million			Темпы роста / Rates of growth	
		оборот / turnover	экспорт / export	импорт / import	экспорт / export	импорт / import
Армения / Armenia	Весь мир*	5710	1879	3831	109,0	108,4
	ЕС-28	1697	583	1113	85,3	99,3
	ЕАЭС**	2476	769	1707	111,7	118,5
	в т.ч. РФ	2392	743	1649	111,6	118,1
Беларусь / Belarus	Весь мир*	35 672	18 391	17 281	92,1	110,1
	ЕС-28	15 732	8388	7344	82,4	104,5
	ЕАЭС**	36 776	14 570	22 206	104,6	97,6
	в т.ч. РФ	35 714	13 691	22 023	105,4	97,3
Казахстан / Kazakhstan	Весь мир*	76 071	51 659	24 412	93,8	124,8
	ЕС-28	31 418	24 833	6585	80,0	100,7
	ЕАЭС**	21 704	6406	15 297	105,9	108,5
	в т.ч. РФ	19 983	5671	14 312	107,4	108,1
Кыргызстан / Kyrgyz Republic	Весь мир*	4233	1344	2888	112,4	92,3
	ЕС-28	1187	885	302	116,6	97,5
	ЕАЭС**	2742	642	2101	100,2	97,2
	в т.ч. РФ	1686	281	1404	78,5	93,0
Россия / Russia	Весь мир*	614 090	387 475	226 615	93,9	102,4
	ЕС-28	277 878	189 313	88 565	92,4	99,2
	ЕАЭС**	59 797	39 247	20 550	100,8	106,6

Примечание / Note: * без ЕАЭС, ** другие страны ЕАЭС / * without the EAEU, ** other EAEU countries.

Источник // Source: URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2019/12_180.aspx.

^а Данные ЕЭК менее корректны, чем Росстата, но за 2019 г. имеются только эти данные.

результаты этого анализа невозможно изложить в одной статье, хотя они влияют и будут влиять на возможность интеграции и воздействовать на ее экономические отношения с третьими странами. Страновые показатели индексов экономической свободы при всей их условности позволяют ощутить серьезность ситуации с развитием ЕАЭС как интеграционного сообщества. В нем доминирует экономика, которая имеет не просто самый низкий ранг среди всех стран ЕАЭС, но и попадает по нему во вторую половину списка стран мира с занимае-

мым в 2020 г. 94-м местом. Импульс развитию экономического пространства ЕАЭС и соответственно самой интеграции может давать любая страна посредством принятия эффективных мер, повышающих индексы. Но воздействие такого импульса на Союз в целом будет тем меньше, чем меньше экономика страны и ее связи с другими странами-членами (например, по внешнеторговой деятельности). Поэтому столь удручающие показатели России и Беларуси по индексу свободы инвестиций свидетельствуют о проблеме интеграционного развития

в целом. Заметно отстает также Казахстан — вторая экономика Союза — от Армении и Кыргызстана. По индексу свободы торговли страны ЕАЭС более близки друг к другу — разрыв полярных показателей составляет всего лишь 4,2 балла по сравнению с 45,0 баллами по свободе инвестиций¹⁷. Но проблема даже в свободе торговли все равно существует, так как самый низкий индекс свободы торговли у России — крупнейшей экономики ЕАЭС+. Покажем на *рисунке* только две страны ЕАЭС+, которые имеют огромные различия в показателе свободы инвестиций.

Отсутствие роста индекса в Беларуси в течение 15 лет становится причиной неустойчивости экономического роста, а его прирост в 2019 г. даже ниже 2005 г. В Кыргызстане индекс, превышающий в течение последних шести лет в два раза индекс Беларуси, способствует и высоким темпам прироста ВВП.

ИНТЕГРАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Договор о ЕАЭС предусматривает создание единого социального пространства. Пока принято Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза, которое должна ратифицировать каждая страна¹⁸. Отметим, что ст. 98 Договора о ЕАЭС предусматривала подписание не соглашения, а договора о пенсионном обеспечении, которое как понятие более подчеркивает общность действий по сравнению с договором и которое вступит в силу после ратификации всеми странами. Это свидетельствует о существовании довольно значительных трудностей в принятии документов, дающих гарантии равных прав всем гражданам стран ЕАЭС. Можно предположить, что более трудным и длительным будет процесс подготовки и заключения других договоров или соглашений, особенно в тех нишах социального пространства Союза, которые затрагивают уровень гарантий, требующих финансового обеспечения принимаемых решений. Как пример можно привести медицинское страхование или семейные пособия для граждан одной страны, если они (семьи) находятся длительное время на территории другой страны. Об этом свидетельствует и отсутствие проектов каких-либо соглашений или договоров в *социальном портфеле* ЕАЭС.

Интеграционные процессы и характерное для них свободное передвижение граждан любой страны ЕАЭС по его территории [10] потребуют заключения соглашения о бесплатном медицинском обслуживании на уровне минимального порога, установленного этим соглашением. Поэтому выработка общего подхода к финансированию государством этих расходов является обязательным атрибутом выполнения интеграционных обязательств. Это также одна из самых важных частей социального «пакета» интеграции, охватывающего потенциально значительно больше граждан, чем достигнутое соглашение о пенсионном обеспечении.

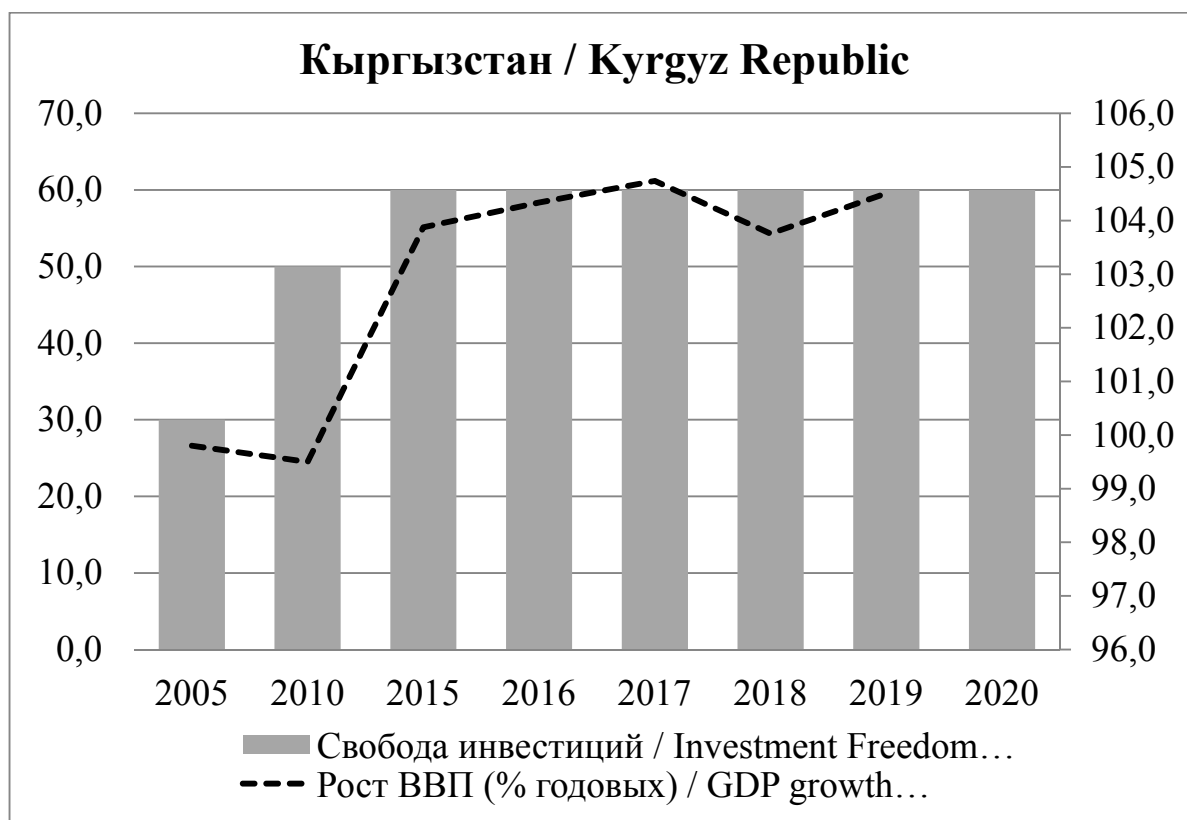
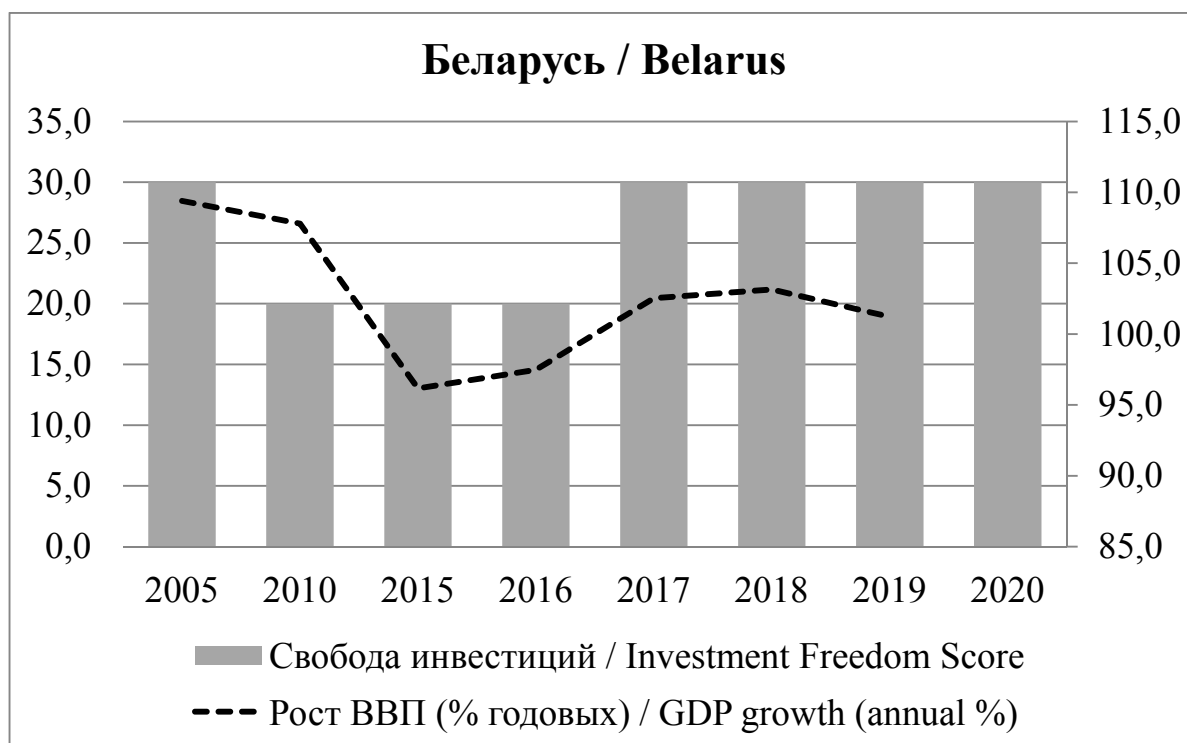
Итоги за 2019 г. свидетельствуют о том, что общие расходы на здравоохранение составляют в нашей стране 1529 долл. США на душу населения, из которых доля государственных расходов составляет 57,1%. Близкая к нам по общему показателю расходов Турция (отстает от России на 12%) имеет аналогичную долю намного больше — 78,3%, а США, которые лидируют по расходам среди всех стран ОЭСР, имеют долю, равную 84,8%. В России государство в состоянии увеличить свою долю и тем самым хотя бы немного поднять столь низкие подушевые расходы на здравоохранение, которые отстают от среднего показателя по ОЭСР в 2,8 раза, а от первой тройки стран (Швейцария, Германия, Норвегия), не считая США, — в 4,3–5,1 раза. Важна не сама констатация факта отставания, а фиксация положения крупнейшей страны ЕАЭС для ее сравнения с другими странами Союза. В *табл. 2* представлены данные ВОЗ, которые очень отстают по времени.

Кроме огромного разрыва в расходах на медицину на душу населения среди стран ЕАЭС, который все же меньше разрыва в подушевых показателях ВВП, из *табл. 2* следует, что страны используют разные модели организации здравоохранения, и это тоже придется учитывать в процессе интеграционного сближения. Показатель текущих расходов на здравоохранение в России больше аналогичных расходов в Армении лишь на 43,6%, в то время как ВВП на душу населения больше в 2,8 раза. Но в Армении доля государственных расходов в общем объеме текущих расходов на здравоохранение является самой низкой среди всех стран ЕАЭС+, и в ней же самый низкий показатель расходов государства на здравоохранение в общем объеме государственных расходов¹⁹. В то же время иная

¹⁷ URL: <https://www.heritage.org/index/>.

¹⁸ Президентом РФ внесено на ратификацию 17 августа 2020 г.

¹⁹ Этот крайне низкий показатель, не отвечающий установленным ВОЗ, характерен и для Казахстана, хотя подушевой ВВП в нем в 2,3 раза больше.

Рис. / Fig. Оценка свободы инвестиций и рост ВВП / Investment Freedom Score and GDP Growth

Источник / Source: составлено автором на основе данных URL; <https://journal.open-broker.ru/economy/indeks-ekonomicheskoy-svobody/> / compiled by the author based on data from <https://journal.open-broker.ru/economy/indeks-ekonomicheskoy-svobody/>.

Таблица 2 / Table 2

Расходы на здравоохранение в ЕАЭС+ (в постоянных долл. США 2017 г.) /
Healthcare spending in the EAEU+ (constant 2017 US dollars)

	ВВП на душу населения / GDP per capita	ТР на душу населения / CC per capita	Доля ВГР в ТР / Share DGE/CC	ВГР на душу населения* / DGE per capita	Доля ВГР в ВВП / Share DGE/GDP	Доля ВГР во всех госрасходах / Share DGE/general government expenditure	Доля платы пациента** в ТР / Share out-of-pocket payments/CC
Армения / Armenia	3934	408	13,2%	53,9	1,4%	5,3%	20,6%
Беларусь / Belarus	5780	342	70,0%	239,4	4,1%	10,6%	27,5%
Казахстан / Kazakhstan	8948	280	62,1%	173,9	1,9%	7,9%	33,1%
Киргизия / Kyrgyz Republic	1274	79	38,0%	30,0	2,3%	6,2%	56,4%
Россия / Russia	10962	586	57,1%	334,6	3,1%	8,8%	40,5%
Молдова / Moldova	2726	191	50,6%	96,8	3,5%	11,6%	43,6%
Узбекистан / Uzbekistan	1541	99	43,3%	42,9	2,8%	10,2%	53,4%

Примечание / Note: ТР – текущие расходы на здравоохранение, ВГР – внутренние государственные расходы на здравоохранение; * – расчет автора, ** – выплаты из кармана / CC – current healthcare costs, DGE – Domestic general government health expenditure; * – author's calculation, ** – out-of-pocket payments.

Источник / Source: URL: https://apps.who.int/nha/database/Country_Profile/Index/ru.

модель развития здравоохранения, несмотря на вышеприведенное, обуславливает в Армении относительно самые низкие расходы пациентов на медицинские услуги из «своего кармана» (*out-of-pocket payments*), в то время в Киргизии и Узбекистане — самым бедным по остальным показателям странам — напротив, самые высокие личные затраты населения на медицину. Кратко рассмотренные различия свидетельствуют о необходимости скорейшего начала согласования позиций, ибо затягивание соглашения в этой области может привести к дезинтеграционным настроениям населения, а это не менее важно, чем стремление руководства стран к экономической интеграции.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА ИНТЕГРАЦИИ

Первоначально на ЕЭК была возложена только обязанность по ведению статистики внешней и взаим-

ной торговли, затем стали публиковаться данные по миграции между странами ЕАЭС²⁰. Имеется только одно соглашение в информационной области, затрагивающее хотя и важный, но узкий круг вопросов²¹. В разделах о внешней торговле Росстат среди стран СНГ отдельной строкой выделяет показатели ЕАЭС. Что же касается Межстаткомитета СНГ, то он, напротив, в своих публикациях ЕАЭС не выделяет. Создан департамент статистики ЕЭК, но предоставляемая статистика по ряду причин не всегда сопоставима с данными Росстата. По этой причине необходимо подчеркнуть, что интеграция и гармонизация критериев оценки взаимосвязаны,

²⁰ URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/Pages/statistical_data.aspx.

²¹ Соглашение о создании информационной системы ЕАЭС в области технического регулирования, санитарных и фитосанитарных мер.

а для этого необходимы данные, полученные по единой методологии.

К важнейшему полю сотрудничества можно отнести общие информационные платформы. Поэтому возникает вопрос: насколько первостепенно гармонизировать законодательство стран и социальную политику, обозначенные ЕЭК как приоритетные, по сравнению с задачей гармонизации информации и больших данных о странах ЕАЭС — их статистической базы. Несколько парадоксально выглядит соотношение СНГ и ЕАЭС на фоне их общей статистической базы. Содружество имеет свой наднациональный статистический орган Межстаткомитет СНГ, хотя его интеграция даже в рамках начальной ступени не была осуществлена. ЕАЭС считается высшей ступенью интеграции пяти стран, но его государства-члены не имеют общего (наднационального) статистического органа, который бы не только получал, обобщал и гармонизировал национальные статданные, но и мог бы развивать единый методический подход, отвечающий принципам ЕС, ОЭСР и статического отдела ООН. Например, для ЕАЭС как пространства с общим рынком труда очень важна сопоставимая с Росстатом статистика трудовой миграции, потому что Россия является основным центром притяжения трудовых мигрантов и основным источником ремиттансов, отправляемых в страны ЕАЭС+. Не менее важно прибегнуть к более тесному взаимодействию ЕАЭС в целом с ОЭСР, используя ее методологию статистических исследований и гармонизации статданных, ее базу информации для совместного решения ряда проблем, особенно связанных с социальной политикой.

ИНТЕГРАЦИЯ И НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

Опыт ЕС показывает, что наднациональные институты, например Европейская комиссия, Европейский суд и Европейский центральный банк, приобретают все большее значение и помогают находить решения в межстрановых спорах. Поэтому роль единственного наднационального органа в ЕАЭС — ЕЭК должна возрастать. В то же время ЕАЭС не имеет наднационального арбитражного суда²², и поэтому при инвестиционных спорах предприниматели каждой страны Союза вынуждены обращаться в Международный центр

по урегулированию инвестиционных споров²³ или Лондонский международный третейский суд. Существующий Суд ЕАЭС рассматривает только споры, возникающие по вопросам реализации Договора о ЕАЭС²⁴, международных договоров в рамках ЕАЭС, решений ЕЭК²⁵. Таким образом, к повседневной жизни самих экономических единиц на пространстве ЕАЭС этот суд не имеет отношения.

Обратим внимание на еще одну институцию ЕС, которая считается важным нововведением, — Банковский союз ЕС (*Banking Union*), появившийся после возникновения проблем с четвертой экономикой еврозоны — Испанией (июнь 2012 г.). Созданный Банковский союз был детализирован в «Дорожной карте» Комиссии по созданию банковского союза и официально принят на саммите Европейского совета в том же году, что показывает важность принятия взаимоприемлемых решений, когда требуется заменить национальные органы *наднациональными структурами* для усиления общественно-государственного контроля²⁶. Создание единого механизма надзора за банковским сектором еврозоны названо «одним из самых радикальных институциональных нововведений» последних лет [11]. Ситуация, сложившаяся в банковской сфере Казахстана в 2020 г., и оказание массивной государственной помощи средним банкам, в эффективности которой сомневаются представители этой страны, свидетельствуют о возникновении подобной задачи наднационального свойства в ближайшем будущем.

Действует Евразийский банк развития (далее — ЕАБР), созданный до образования ЕАЭС и с его появлением не увеличивший своей активности. При этом он не имеет отношения к соблюдению финансовой дисциплины каждой страной ЕАЭС. Кроме того, его членом является Таджикистан, неопределенное положение которого по отношению к Союзу уже упоминалось [12]. Следует отметить, что в 2012 г. ЕАБР

²³ Подробнее см.: Международный центр по урегулированию инвестиционных споров // Новая российская энциклопедия. Т. X (2). — Москва: Энциклопедия, 2012. — С. 163.

²⁴ Суд ЕАЭС не компетентен рассматривать споры, касающиеся возмещения убытков или иных требований имущественного характера.

²⁵ Оспаривание действия (бездействия) ЕЭК, затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере экономической деятельности, если это повлекло нарушение предоставленных Договором о ЕАЭС прав и интересов.

²⁶ В данном случае для непосредственного и исключительного контроля за 128 наиболее важными банками внутри еврозоны.

²² Статья. 14.7 соглашения ЕАЭС — Вьетнам предусматривает создание арбитражной группы.

провел исследование интеграционных предпочтений населения всех постсоветских стран, в котором выявлялось отношение населения как к экономической, так и политической интеграции. Например, по вопросу экономической интеграции 32% населения Беларуси тяготело к ЕС и только 26% — к СНГ [13, с. 60].

ЕАЭС следует выстраивать не только особые привилегированные отношения с рядом стран, в первую очередь СНГ, но и с Китаем. Поэтому необходимо заключение общего соглашения типа Шенгенского договора между странами ЕАЭС+ с открытой возможностью присоединения к нему других стран СНГ и выработкой общей политики по отношению к третьим странам, а не политики, проводимой на двухсторонней основе, как у России со многими странами. Показательно и то, что заключение Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом ничего не изменило в миграционных взаимоотношениях. В этом отношении можно полностью поддержать вывод Л. Шрама, что еврозона и Шенгенская зона — два основных достижения европейской интеграции.

ВЫВОДЫ

При наличии разногласий в экономической политике стран — членов ЕАЭС избежать тупика в развитии интеграционных процессов можно только путем политических новшеств (инноваций).

Опыт европейской интеграции показал [14], что общие решения менее вероятны, когда политическая или экономическая взаимозависимость между государствами-членами низкая, так как отдельные из них могут по-разному пострадать от кризиса. Отличие ЕАЭС состоит в том, что, с одной стороны,

экономическая взаимозависимость в этом Союзе высокая благодаря доминированию российской экономики с масштабами, превышающими остальные страны вместе взятые. С другой стороны, малые страны во время кризиса 2008–2009 гг. показали возможность иной траектории, так как сохраняли высокие темпы роста.

Странам ЕАЭС+ необходимо незамедлительно решать вопрос о координации усилий в сфере профессионального образования. Это потребует значительного времени на подготовку системы образования для приема новых поколений в странах с высокой рождаемостью. В данном случае также необходим подход к «совместной ответственности». Необходимо вкладывать большие средства в образование для повышения квалификации и соответственно более высокой заработной платы и роста производительности труда. Вложения должны делать все: государство, общество, бизнес-сообщество, семья (домохозяйство), отдельный человек (личность). Государствам ЕАЭС необходимо учитывать, что в каждом из них существует географическая кластеризация высококвалифицированных и высокооплачиваемых рабочих мест в определенных регионах, городах и городских районах. Этот феномен кластеризации неизбежен и для всего пространства ЕАЭС, что может сочетаться со снижением мобильности рабочей силы или с ее ростом. Поэтому национальные программы развития системы образования должны учитывать сложившуюся кластеризацию и прогнозировать необходимые изменения, в которых заинтересовано как общество данной страны, так и других государств ЕАЭС.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGEMENT

The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds for the state task for the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы, 1994–1997 гг. — Москва: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. — 480 с. — ISBN 5-7556-0085-6.
Nazarbayev N.A. Eurasian Union: ideas, practice, prospects, 1994–1997. Moscow: Foundation for Assistance to the Development of Social and Political Sciences; 1997. 480 p. (In Russ.).
2. Mursalova K.N., Ainakanova B.A., Kazkenova A.S., Zhalelkanova N., Ozpence O. Analysis of Problems of Kazakhstan's Economic Integration in the EAEU. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2020;11(4):1218–1232. DOI: 10.14505/jarle.v11.4(50).18

3. Roberts S. P., Moshes A. The Eurasian Economic Union: a case of reproductive integration? *Post-Soviet Affairs*. 2016;32(6):542–565. DOI: 10.1080/1060586X.2015.1115198
4. Schmitter P. C. A Revised Theory of Regional Integration. *International Organization*. 1970;24(4):836–868. DOI: 10.1017/S 0020818300017549
5. Lefkofridi Z., Schmitter P. C. Transcending or Descending? European Integration in Times of Crisis. *European Political Science Review*. 2015;7(1):3–22. DOI: 10.1017/S 1755773914000046
6. Schmitter P. “Neo-functionalism.” In *European Integration Theory*. Ed. by A. Wiener and T. Diez. Oxford: Oxford University Press; 2004:45–74.
7. Gerber T. P., Jane Z. Experiences in Russia of Kyrgyz and Ukrainian labor migrants: ethnic hierarchies, geopolitical remittances, and the relevance of migration theory. *Post-Soviet Affairs*. 2020;36(1):61–82. DOI: 10.1080/1060586X.2019.1680040
8. Schramm L. Exit from Joint-decision Problems? Integration and Disintegration in the EU’s Recent Poly-crisis. *European review of international studies*. 2020;7:2–27. DOI: 10.1163/21967415-bja10001
9. Nye J. Central American Regional Integration. In *International Regionalism: Readings*. Ed. J. Nye, 377–429. Boston, MA: Little, Brown & Company; 1968.
10. Ткаченко А.А. Общий рынок труда как ядро Евразийской интеграции / Наш дом — Евразия. Доклады и материалы международной конференции. — Москва: ИНИОН РАН, 2018. — С. 203–215.
Tkachenko A. A. Common labor market as the core of Eurasian integration / Our home is Eurasia. Reports and materials of the international conference. Moscow: INION RAN; 2018:203–215.
11. Glöckler G., Lindner J., Salines M. Explaining the sudden creation of a banking supervisor for the euro area. *Journal of European Public Policy*. 2017;24(8):1135–1153.
12. Ткаченко А.А. Экономическое развитие стран Центральной Азии и цели ООН в области устойчивого развития // Вестник университета. (Вестник РТСУ). — 2020. — № 1(69). — С. 17–30.
Tkachenko A. A. Economic development of Central Asian countries and unsustainable development goals. *University Bulletin. Scientific Journal*. 2020;1(69):17–30. (In Russ.).
13. Титаренко Л.Г. Модели постсоветской интеграции: Беларусь и Украина // Социологический альманах. — Минск: «Издательский дом «Беларуская навука», 2014. — С. 52–61.
Titarenko L. G. Models of post-Soviet integration: Belarus and Ukraine. *Sociological almanac*. Minsk: Publishing house «Belaruskaya Navuka»; 2014:52–61. (In Russ.).
14. Ткаченко А.А. Международная экономическая интеграция. — Москва: изд-во РАГС, 2010. 49 с. — ISBN 978–5–7729–0492–3.
Tkachenko A. A. International economic integration. Moscow: RAGS Publishing House; 2010. 49 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Александрович Ткаченко — доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет, Москва, Россия
AATkachenko@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Tkachenko — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Deputy Director of the Institute for International Economic Relations Research, Financial University, Moscow, Russia
AATkachenko@fa.ru

Статья поступила 04.10.2020; принята к публикации 05.12.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 04.10.2020; accepted for publication 05.12.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript